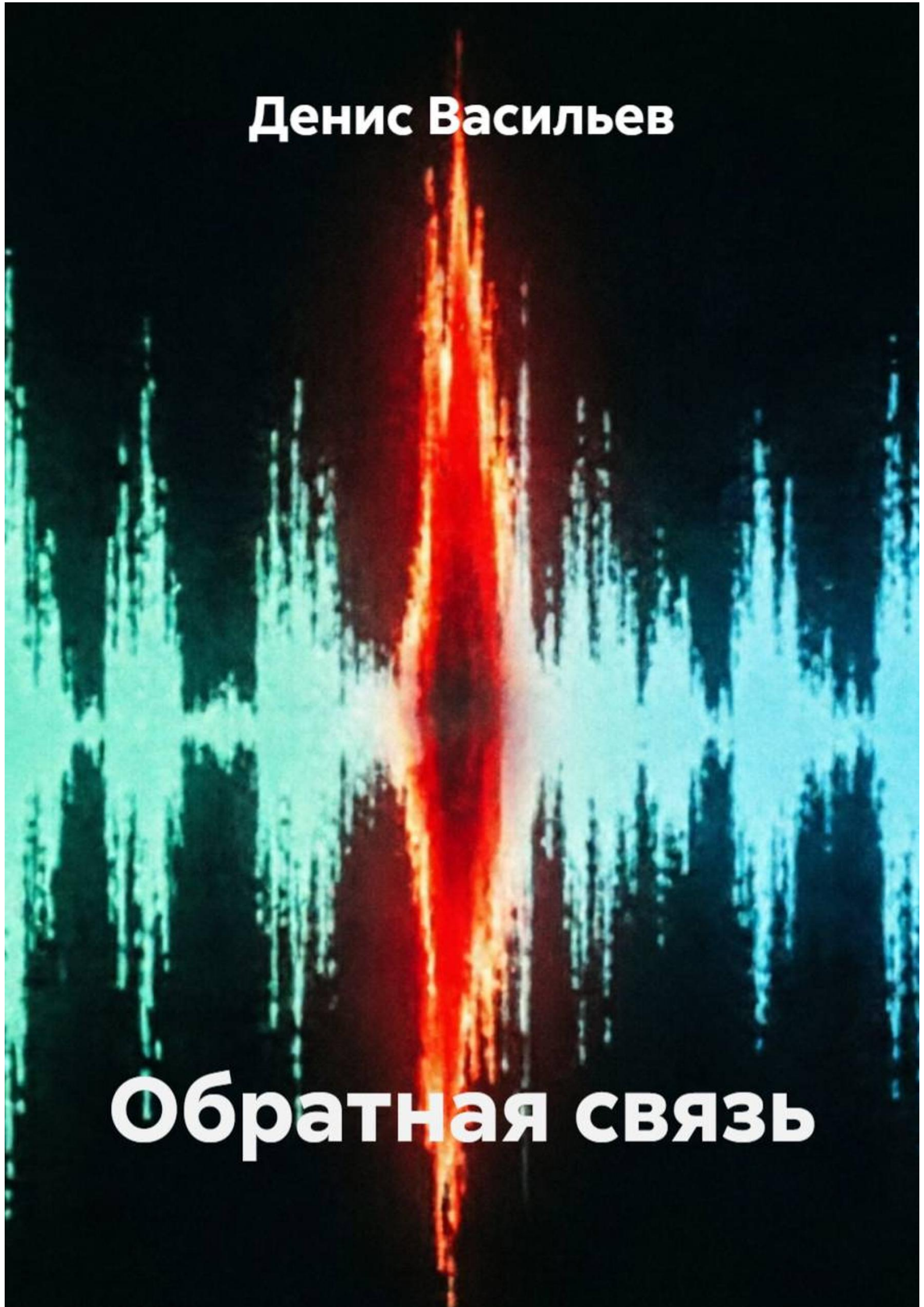

Денис Васильев

Обратная связь

Денис Васильев

Обратная связь

«Автор»

2026

Васильев Д.

Обратная связь / Д. Васильев — «Автор», 2026

Психологическая драма с элементами магического реализма и научной акустики. История о четверых сломанных людях, которые нашли способ говорить с мёртвыми, но поняли, что настоящий звук — это пульс живых

© Васильев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шум.	5
Глава 2. Третий канал.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Денис Васильев

Обратная связь

Глава 1. Шум.

Трамвай на повороте визжал — резкий, стеклянный звук на восемь с половиной килогерц, от него сводило скулы. Где-то вдалеке гудела трансформаторная будка — низкий, ровный гул, шестьдесят герц, основа всего городского шума. Под ногами хлюпала слякоть: октябрь был мокрым, и каждый шаг отдавался в асфальте коротким, глухим шлепком. Лев считал шаги. Раз-два-три-четыре. Раз-два-три-четыре. Он всегда считал шаги. Это помогало не думать о другом звуке — том, что жил у него в голове уже пятнадцать лет.

Тиннитус.

Он был сегодня особенно назойливым — высокочастотный писк, тонкий, как игла, где-то между двенадцатью и четырнадцатью килогерцами. Лев знал это точно: он измерял его спектроанализатором ещё лет семь назад, когда пытался понять, можно ли его заглушить. Нельзя. Можно только привыкнуть, как привыкают к шуму холодильника в трёхзвёздочном отеле. Писк не менялся — менялось только настроение, с которым Лев его воспринимал. Сегодня настроение было паршивое. Писк отвечал взаимностью.

Он поправил тёмные очки — Ray-Ban Wayfarer, стёкла в царапинах, дужки разболтаны — и плотнее прижал к ушам наушники-вкладыши. Sony, чёрные, с активным шумоподавлением. Музыка в них не играла. Лев давно не слушал музыку — ни чужую, ни свою. Наушники были нужны для другого: они срезали город на два-три децибела, и тиннитус на фоне этого отступления становился чуть тише. Не исчезал, никуда он не денется, но переставал доминировать, как бас, который убрали с переднего плана микса, но который всё равно чувствуешь нутром.

Лев свернул в узкий переулок. Здесь было тише. Старые дома стояли кривыми, с облупившимися фасадами и покосившимися крыльцами. Пахло мокрым кирпичом, угольным дымом из чьей-то трубы и сыростью.

Лев остановился у низкого дома с номером четырнадцать. Подвал. Маленькое окошко на уровне асфальта, заклеенное изнутри плёнкой. Лев достал ключ — тяжёлый, латунный, с брелоком в виде маленькой ручки эквалайзера — и открыл низкую дверь. Лестница вниз, три ступеньки, запах сырости и старой пыли. Его запах. Его место.

Студия.

Стены были обиты акустическим поролоном — яйцевидным, серым, местами отклеившимся. Пол — бетон, покрытый линолеумом, который давно потерял цвет. В углу стоял маленький кухонный уголок с чайником, микроволновкой и стопкой бумажных стаканчиков. На стене — постер Pink Floyd "The Dark Side of the Moon", выцветший, с загнутыми углами. Лев его не клеил — постер был здесь, когда он въехал, и он не стал его снимать. Просто перестал замечать.

В центре студии стоял пульт.

Neve 8068, старый, аналоговый, сорок восемь каналов. Лев купил его на аукционе пять лет назад, потратив почти все сбережения. Пульт был его реликвией, его якорем, его единственным другом. Лампы внутри ещё работали — Лев менял их сам. Он любил этот пульт за то, что тот не врал. Цифра может соврать — плагины, алгоритмы, пресеты. Аналог не врёт. Он показывает звук таким, какой он есть: грязным, живым, несовершенным. Как люди.

Лев снял куртку — чёрную, потёртую, на размер больше — повесил на вешалку. Снял очки, протёр стёкла футболкой. Положил наушники на стол. И только теперь позволил себе выдохнуть.

Тиннитус сразу стал громче. Без наушников, без очков, без защиты — он был здесь хозяином. Лев налил в стакан воды из кулера, выпил половину, тёплая, он всегда пил тёплую воду — холодная резала горло, как плохой хай-хэт.

Он сел в кресло перед пультом. Включил свет — тусклый, жёлтый, от лампы с абажуром. Открыл свой черный блокнот, потёртый по углам — и пробежал глазами вчерашние записи. "Сессия 14.10. Сведение демо, группа «Выход там». Вокал — компрессия 4:1, EQ срез на 300 Гц. Гитара — реверб 1.8 сек. Клиент недоволен. Клиент всегда недоволен". Лев усмехнулся. Клиенты всегда были недовольны. Они приходили к нему, потому что слышали его старые работы — те, что он делал до. До двадцати двух. До Ани. До всего.

Он закрыл журнал. Откинулся на спинку кресла. Посмотрел в потолок.

— Ну, — сказал он вслух. Голос у него был тихий, хриплый, как у человека, который много лет разговаривает только с собой. — Что у нас сегодня?

Телефон на столе завибрировал. Лев посмотрел на экран. Незнакомый номер. Он не хотел брать трубку. Он вообще не хотел сегодня ни с кем разговаривать. Но он взял.

— Да, — сказал он.

— Здравствуйте, — голос был женский, молодой, но уставший. — Это Лев Артамонов? Звукорежиссёр?

— Да.

— Меня зовут Лада. Мне нужна ваша помощь. У меня есть... запись. Старая. Магнитная лента. Мне сказали, вы работаете с такими.

Лев нахмурился. Он не брал случайные заказы. Особенно — со старыми лентами. Это было опасно. Ленты деградируют, оксид осыпается, звук теряется. И — он не любил чужие истории. У него была своя.

— Откуда у вас лента? — спросил он.

— Нашла. В вещах отца. Он умер... давно. Пятнадцать лет назад. Он был музыкантом.

Лев замер.

— Как его звали?

— Виктор Кромов.

Лев закрыл глаза.

Вик Кромов. "Северный Фланг". Голос поколения. Гений. Наркоман. Мертвец. Легенда, которую доили уже пятнадцать лет — переиздания, сборники, мерч, а теперь ещё и голограмма. Лев ненавидел голограммы. Ненавидел саму идею того, что мёртвого человека можно заставить петь за деньги.

— Я не работаю с архивами, — сказал он. — Обратитесь в лейбл. У них есть специалисты.

— Лейбл не берёт, — сказала Лада. — Они сказали — лента в плохом состоянии. Что её нельзя оцифровать. Что это — шум.

— Тогда зачем вам это?

Пауза. Лев слышал её дыхание. Ровное. Спокойное. Но он знал: она не спокойна.

— Потому что я хочу услышать его, — сказала она. — В последний раз.

Лев молчал.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я знаю, что вы не любите такие заказы. Но мне некому больше обратиться.

Лев посмотрел на пульт. На лампы, которые медленно грелись. На постер Pink Floyd. На свои руки — тонкие пальцы пианиста, с мозолью на правом указательном.

— Хорошо, — сказал он. — Привезите ленту. Завтра. В десять утра.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо большое.

Она положила трубку.

Лев сидел. Смотрел на телефон, на пульт, на потолок.

И думал о том, что он только что согласился. Не потому, что ему было жалко. А потому что он знал — что такое потерять. И он знал — что такое не иметь возможности услышать в последний раз.

Ленту привезли на следующий день.

Лада пришла сама. Девушка лет двадцати четырёх, худая, с короткими крашеными волосами — чёрные у корней, выцветший розовый на концах. В чёрной оверсайз футболке, в рваных джинсах, в косухе с нашивками. Бледное лицо, с веснушками на носу. Глаза — тёмные, большие, с тяжёлыми веками. Она выглядела усталой. И злой.

Она поставила пластиковый кейс на стол. Не глядя на Льва.

— Вот, — сказала она. — Это всё. Позвоните мне, когда все сделаете, пожалуйста, мне нужно бежать на работу.

Лев открыл кейс.

Внутри, в антистатическом пакете, лежала катушка с магнитной лентой. Четверть дюйма. Этикетка выцвела, но Лев разобрал почерк — размашистый, нервный, с нажимом. "Северный Фланг. Сессия 12. Финал. Не тиражировать". Подпись — "В.К."

Лев взял катушку в руки. Она была тяжёлой, холодной. Он почувствовал, как пальцы узнают этот вес — вес магнитной ленты, вес записанного звука, вес чьей-то жизни, застывшей в оксиде железа. Он работал с такими катушками пятнадцать лет. Он знал их на ощупь. Но эта была другой. Он не мог объяснить, почему. Просто — другой.

Он зарядил катушку в рекордер — старый Studer A800, который он держал в студии для таких случаев. Лента пошла. Лев надел наушники — уже настоящие, студийные, Sennheiser HD 600, открытые, с честной передачей. Сел за пульт. Поднял фейдеры.

И нажал Play.

Первые тридцать секунд — тишина. Лента шумела, как шумит любая старая магнитная лента: шорох, потрескивание, фон. Лев крутил ручки эквалайзера, срезал высокочастотный шип, придавил низ. Тишина стала чище.

На тридцать первой секунде зазвучала гитара.

Лев вздрогнул. Он не ожидал, что будет так. Он слышал "Северный Фланг" тысячу раз — все альбомы, все бутлеги, все концертные записи. Но это было другое. Гитара была грязной, расстроенной, с перегрузом, который резал уши. И голос. Голос Вика.

Он был не такой, каким Лев его помнил. Не хриплый, не надрывный, не тот голос, что орал с пластинок. Этот голос был тихим. Почти шёпотом. Вик пел не для толпы. Он пел для себя. Или для кого-то одного.

Лев закрыл глаза.

*"Я не хочу домой,
Я не хочу назад,
Там, где меня ждали,
Меня уже нет..."*

Голос дрожал. Не от эмоции — от усталости. Или от чего-то ещё. Лев открыл глаза, посмотрел на VU-метры. Стрелки ходили ровно, но где-то в самом низу, на грани слышимого, что-то было не так. Он прищурился.

Что-то шевелилось под голосом. Под гитарой. Под шумом ленты.

Что-то, чего не должно было быть.

Лев остановил ленту. Перемотал назад. Послушал ещё раз.

Оно было там. Низкое. Почти инфразвук. Гудение, которое не столько слышалось, сколько чувствовалось зубами, грудью, нутром. Лев поднял фейдер мастер-канала. Гудение стало громче. Он крутанул ручку эквалайзера на восемнадцать герц — инфраниз, который обычно срезают, потому что он не несёт информации, только жрёт голову микса.

Гудение не исчезло. Оно стало чётче.

Лев нахмурился. Он запустил спектроанализатор на втором мониторе. На экране появилась картинка — частоты, амплитуды, спектрограмма. И там, внизу, на восемнадцати герцах, был сигнал. Не шум. Не наводка. Не брак плёнки. Сигнал. Ровный, ритмичный, с модуляцией.

— Что это, — прошептал Лев.

Он посмотрел на катушку. Этикетка. "Не тиражировать". Рука Вика.

Лев снова нажал Play. Голос Вика полился в наушники. Но теперь Лев слушал не его. Он слушал то, что было под ним. Гудение - ритмичное и живое.

И вдруг — на тридцать седьмой секунде трека — тиннитус в его голове исчез.

Просто исчез. Как будто кто-то выключил его, как выключают свет.

Лев замер. Он не дышал. Он боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть. Пятнадцать лет — пятнадцать лет этот писк жил в нём, и вот, впервые за пятнадцать лет, в его голове была тишина.

Абсолютная. Чистая. Блаженная.

И в этой тишине он услышал то, что было на ленте. Не ушами — чем-то другим. Запах: запах гари, дешёвого портвейна, озона от ламп. Звук: разбитое стекло, чьё-то тяжёлое дыхание. И чувство — чувство такое сильное, что у Льва защемило в груди, — чувство абсолютного, смертельного, безысходного страха.

Лев сорвал наушники.

Тиннитус вернулся — резкий, как удар. Лев схватился за голову, застонал. Сердце колотилось так, что он слышал его стук в ушах, поверх тиннитуса, поверх всего.

Он посмотрел на пульт. Лента крутилась. VU-метры ходили. Спектроанализатор показывал ту самую частоту — восемнадцать герц, модуляция, ритм.

Лев посмотрел на свои руки. Они дрожали.

— Что, — сказал он вслух, и голос его был чужим, — что ты записал, Вить?

Лента крутилась. Голос Вика пел. А под ним, на самой грани слышимого, гудело что-то, что не должно было там быть.

Лев понял две вещи. Первое: он не расскажет об этом Ладе. Не сразу. Второе: он будет слушать эту ленту, пока не поймёт. Даже если это его убьёт. Он снова надел наушники и нажал Play.

За окном, в подвальном окошке, мелькали ноги прохожих. Где-то наверху, в доме, начинался обычный шум — шаги, телевизор, хлопанье дверей. Лев не слышал этого. Он слышал — ленту. И впервые за пятнадцать лет — он слышал не только шум. Он слышал — что-то большее.

Глава 2. Третий канал.

Лев не заметил, как прошло шесть часов.

Когда он наконец оторвался от пульта, за окном подвала было темно. Он посмотрел на часы — три часа ночи. Шесть часов он слушал одну и ту же ленту. Перемотал её туда-обратно раз двадцать. Прослушал каждый фрагмент по отдельности. Записал спектрограммы и отметил всё в своем блокноте. И не продвинулся ни на шаг. Он знал только одно: под голосом Вика, под гитарой, под шумом ленты — есть что-то ещё. Третья дорожка, скрытый канал. Инфразвуковой гул на восемнадцати герцах, модулированный ритмом, который напоминал дыхание. Или сердцебиение. Или и то, и другое одновременно.

Лев встал из-за пульта, размял спину. Хрустнули позвонки. Он налил себе тёплой воды из кулера, выпил. Руки дрожали — не от страха, от усталости и от того, что он выпил уже четыре чашки чая, а есть не хотелось совсем.

Он снова сел. Посмотрел на спектрограмму на втором мониторе. Сигнал был там. Чёткий, ровный, с модуляцией. Это не был шум. Это не была наводка от сети. Это не был брак плёнки. Это был звук. Кто-то его записал. Кто-то его оставил на этой ленте.

Лев открыл новый проект в Cubase, хотя он предпочитал аналог, но для анализа цифра была удобнее. Он загрузил оцифрованный фрагмент ленты. Выделил голос Вика. Применил спектральное вычитание — алгоритм, который позволял убрать один звук, оставив другой. Голос исчез. Гитара исчезла. Остался только шум ленты и... оно. Третья дорожка. Лев поднял фейдер. Гудение заполнило наушники. Низкое, плотное, как туман. Он крутанул эквалайзер — добавил низких частот, срезал высокие. Гудение стало чётче. И Лев услышал то, что пропустил раньше. Ритм. Не просто модуляция. Ритм. Ровный, как метроном. Раз-и-два-и-три-и-четыре-и. Но не музыкальный ритм. Биологический. Лев замерял — семьдесят два удара в минуту. Нормальный пульс взрослого человека в покое.

— Чёрт, — прошептал Лев.

Он посмотрел на ленту. На этикетку. "В.К." Рука Вика.

Он снова надел наушники. Закрыв глаза. И позволил звуку войти в него. Гудение заполнило голову. Тиннитус отступил — не исчез полностью, но стал тише, как будто этот звук его подавлял. И Лев почувствовал то же, что в первый раз. Запах гари, портвейн, озон. Звук — разбитое стекло, чьё-то дыхание. Но на этот раз, когда он провалился в эту тишину, запах гари исчез. Его сменил другой. Ваниль. Дешёвый табак. Мокрая шерсть.

Аня.

Лев резко открыл глаза. В студии никого не было. Только жёлтый свет лампы, только гул трансформаторов. Но запах был таким реальным, что у него перехватило дыхание. Аня умерла пятнадцать лет назад. Снег, скользкая дорога, встречная фура. Он выжил. Она — нет. С тех пор тиннитус жил в его голове, как надгробие, которое он не мог снять.

А сейчас, под гулом на восемнадцати герцах, она была здесь. Он почти чувствовал, как её холодная рука ложится ему на затылок. Как она шепчет что-то, чего он не может разобрать.

Лев сорвал наушники.

Тиннитус ударил обратно — резкий, как нож. Лев застонал, схватился за голову. Сердце колотилось.

— Что это, — прошептал он в пустоту. — Что ты делаешь?

Он посмотрел на ленту. На катушку. На этикетку. "Не тиражировать".

Лев встал. Прошёлся по студии. Три шага до стены, три шага обратно. Он делал так, когда думал. Когда пытался собрать в голове то, что не собиралось.

Варианты. Первый: это технический артефакт. Инфразвук на частоте 18-19 Гц известен тем, что вызывает резонанс глазного яблока и лёгкие галлюцинации, чувство тревоги, присут-

ствие кого-то в комнате. Это физика. Это наука. Второй: это психоакустика. Вик записывал это в состоянии крайнего эмоционального и химического истощения. Его мозг, его страх, его тоска — они как-то отпечатались в магнитном слое. И когда Лев слушает это, его собственный мозг, его собственная тоска по Ане, резонирует с записью. Мозг достраивает образ. Третий: это...

Лев остановился. Он не хотел думать о третьем варианте. Потому что третий вариант был невозможным. Мистика. Призраки. Звуки с того света. Магнитная лента как спиритическая доска. Лев был технарём. Он верил в частоты, децибелы, спектрограммы. Он не верил в призраков.

Но он снова сел за пульт. И снова надел наушники. Потому что он хотел услышать её ещё раз.

Звонок Ладе раздался в семь утра.

Лев не спал всю ночь. Он сидел перед пультом, слушал ленту, записывал спектрограммы, пытался выделить третью дорожку. Он понял одну вещь: этот звук — наркотик. Он даёт тебе то, чего ты хочешь больше всего на свете. Он даёт тебе того, кого ты потерял. Но цена — твоя собственная реальность.

— Да? — голос Лады был сонный, хриплый.

— Лада, это Лев. Звукорежиссёр.

— Что-то случилось? С лентой?

— Мне нужно, чтобы ты приехала. Сейчас.

— В семь утра? Вы серьёзно?

— Лада, — Лев потер переносицу. — Я нашёл то, что вы искали. Но вам нужно услышать это здесь. В студии. На нормальной аппаратуре.

Пауза. Он слышал, как она садится на кровати, как шуршит одеяло.

— Я слышала, — сказала она тихо. — Я слышала его, когда пыталась слушать ленту самостоятельно. Я не сказала вам. Я подумала, что мне показалось. Но я слышала его. Он был там.

Лев закрыл глаза. Значит, это не только он. Это работает на всех.

— Приезжайте, — сказал он. — Через час.

Она пришла ровно в восемь.

Лада была ещё более бледной, чем вчера. Под глазами — залегли тени. Она не накрашена, волосы собраны в небрежный пучок. На ней та же косуха, что и вчера, но застёгнутая на все молнии, будто ей холодно.

— Ну? — она остановилась в дверях, не заходя. — Что вы нашли?

— Заходи, — сказал Лев. — Садись.

Он не стал включать ленту сразу. Он налил ей чаю. Тёплого, без сахара. Она взяла стаканчик, обхватила его обеими руками, как будто греясь.

— Что это за звук? — спросила она, глядя в пол. — когда я слушала... я почувствовала запах. Его сигарет. Rothmans. Он курил только их. И я почувствовала... как будто он стоит за спиной. Я обернулась, но там никого не было.

— Инфразвук, — сказал Лев, выбирая слова осторожно. — Восемнадцать герц. Это частота, на которой резонируют внутренние органы. Она вызывает чувство тревоги, вибрацию в груди. Мозг, находясь в таком состоянии, начинает генерировать образы, чтобы объяснить физическое ощущение. Это называется психоакустический эффект.

Лада посмотрела на него. В её глазах мелькнуло разочарование.

— Вы хотите сказать, что я это выдумала? Что это просто... физика?

— Я хочу сказать, что это реально. Но это не призрак, Лада. Это звук. Очень мощный, очень специфический звук. И он... он опасен.

— Опасен? — она усмехнулась, криво, зло. — Вы боитесь, что я сойду с ума?

— Я боюсь, что вы не захотите возвращаться.

Она замерла. Посмотрела на него внимательно.

— Что вы имеете в виду?

Лев вздохнул. Он не должен был этого говорить. Но он не мог врать ей. Не после того, как сам провёл ночь, пытаясь поймать запах ванили и мокрой шерсти.

— Этот звук, — сказал Лев, — он даёт вам то, чего вы хотите. Он заполняет пустоту. Но он не настоящий. Это эхо. И если вы будете слушать его слишком долго, вы перестанете различать, где эхо, а где вы сами. Вы начнёте жить там. В записи. А здесь, в реальности, вы просто перестанете есть, спать, дышать.

Лада поставила стаканчик на стол. Резко. Чай плеснулся на линолеум.

— Мне всё равно, — сказала она. Голос её дрогнул, но она сжала кулаки, пряча это. — Мне плевать, эхо это или нет. Я не видела его пятнадцать лет. Мне было девять, когда он умер. Я не помню его запаха. Я не помню, как он смеялся. Я помню только гроб и маму, которая пила неделю без остановки. Если эта дурацкая лента может дать мне пять минут с ним — я возьму эти пять минут. Даже если я умру после.

Лев смотрел на неё. Он видел в её глазах ту же бездну, в которую смотрел сам каждую ночь, когда тиннитус становился невыносимым.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Но мы сделаем это по моим правилам. Пять минут. Не больше. И я буду рядом. Если я скажу стоп — вы снимаете наушники. Без споров.

Лада кивнула. Медленно.

— Договорились.

Лев подвинул к ней стул перед пультом. Достал из кейса вторые наушники — закрытые, тяжёлые, изолирующие от внешнего мира.

— Надень, — сказал он.

Она надела. Лев проверил уровень. Он не стал включать весь трек. Он вывел только третью дорожку. Чистый инфразвук, модулированный тем самым ритмом в 72 удара в минуту. И добавил совсем чуть-чуть, на самом пределе слышимости, голос Вика.

— Закрой глаза, — сказал он. — Не пытайся его увидеть. Просто слушай.

Он нажал Play.

Лев смотрел на неё. Он видел, как меняется её лицо. Сначала — напряжение. Она ждёт. Потом — её плечи опускаются. Дыхание выравнивается. Она перестаёт быть двадцатичетырёхлетней девушкой в рваной косухе. Она становится маленькой девочкой.

Её губы дрогнули.

— Папа? — прошептала она. Тихо. Так тихо, что Лев услышал это только потому, что сидел в метре от неё.

По её щеке покатилась слеза. Потом вторая. Она не вытирала их. Она просто сидела, чуть наклонив голову, как будто кто-то невидимый говорил ей что-то на ухо.

Лев смотрел на таймер. Прошло три минуты. Четыре.

Её рука медленно поднялась. Она протянула пальцы в пустоту, чуть в сторону, как будто хотела коснуться чьей-то щеки. Её лицо исказилось от боли — той самой, чистой, невыносимой боли утраты, которая обычно прячется под слоями повседневности.

Прошло пять минут.

— Лада, — сказал Лев.

Она не отреагировала.

— Лада, время вышло. Сними наушники.

Она не двигалась. Её рука всё ещё была протянута в пустоту.

— Лада! — Лев повысил голос. Он потянулся к пульту, чтобы выключить звук.

Она вздрогнула. Резко, всем телом, как человек, которого окатили ледяной водой. Она открыла глаза. Зрачки были расширены. Она смотрела на Льва, но не видела его.

Он выключил ленту. Тишина в студии стала оглушительной. Тиннитус в голове Льва снова начал набирать обороты, тонкий, противный писк. Лада медленно сняла наушники. Положила их на стол. Её руки дрожали так сильно, что она не могла попасть пальцем в палец.

— Он был здесь, — прошептала она. Голос был хриплым, чужим. — Он обнял меня. Я почувствовала... я почувствовала, как он дышит.

— Лада, — Лев наклонился к ней. — Посмотри на меня. Ты здесь. В студии. В подвале. На улице октябрь. Его здесь нет.

Она перевела на него взгляд. Медленно, с трудом, как будто возвращаясь из очень дальнего путешествия. В её глазах стояла такая тоска, что Льву стало физически больно.

— Я знаю, — сказала она. И вдруг её лицо скривилось, она закрыла лицо руками и зарыдала. Не тихо, как вчера. Громко, надрывно, как плачут дети, которые потерялись в толпе. Лев не стал её утешать. Он не умел. Он просто сидел рядом и ждал, пока её не отпустит. Когда она наконец подняла голову, её лицо было мокрым, красным, но в глазах появилась странная, пугающая ясность.

— Мне нужно это, — сказала она. Твёрдо. Как приговор.

— Нет, — сказал Лев. — Тебе не нужно. Ты слышала, что я сказал. Это ловушка.

— Мне плевать, — она встала. Шатаясь, но встала. — Я хочу забрать ленту.

— Ты не можешь её забрать. Я должен её оцифровать, очистить...

— Нет! — она ударила ладонью по столу. Стаканчик с чаем упал, обдав стол горячей жидкостью. — Ты не понимаешь! Если ты её оцифруешь, если ты начнёшь с ней работать, ты её убьёшь! Ты превратишь его в файл! В mp3! В чертову голограмму, как все остальные!

Она схватила пластиковый кейс. Прижала его к груди.

— Я заберу её сейчас. И буду слушать дома. Сколько захочу.

Лев встал между ней и дверью. Он был выше её, шире в плечах.

— Лада, послушай меня. Ты не сможешь остановиться. Ты перестанешь есть. Ты перестанешь спать. Ты умрёшь в своей комнате, обняв магнитофон, и никто тебя не найдёт неделю. Я видел это. Не с ней, но я видел, как звук ломает людей.

— А ты что? — она посмотрела на него снизу вверх. — Ты эксперт по сломанным людям? Ты сам посмотри на себя! Ты живёшь в подвале, ты разговариваешь с пультом, у тебя в глазах такая же дыра, как у меня! Ты думаешь, ты лучше меня? Ты думаешь, ты не хочешь её услышать? Ту, о ком ты думал, когда слушал ленту?

Лев замер.

— Откуда ты знаешь? — прошептал он.

— Я видела, как ты смотрел в пустоту, когда я плакала, — сказала она. — У тебя был тот же взгляд. Как будто ты нюхал кого-то, кого здесь нет.

Они стояли друг напротив друга. Два наркомана, которые только что нашли дозу.

— Я не отдам тебе ленту, — сказал Лев наконец. Тихо, но твёрдо. — Не сейчас. Пока я не пойму, как это работает. И пока я не пойму, как это остановить.

Лада смотрела на него долго. Потом её плечи опустились. Она вдруг выглядела очень маленькой и очень уставшей.

— Хорошо, — сказала она. — Но я буду приходить. Каждый день. Пока ты не поймёшь.

— Хорошо, — сказал Лев.

Она развернулась и вышла, хлопнув дверью.

Лев остался один в студии. Пахло разлитым чаем и озоном. Тиннитус в его голове был на четырнадцать килогерцах.

Он подошёл к пульту. Посмотрел на катушку.

— Что ты с нами делаешь, Вить? — прошептал он.

Лента молчала. Но Лев знал: она уже сделала своё дело. Они оба были на крючке. И соскочить с него будет сложнее, чем пережить смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.